

**Законы вольных обществ
Дагестана XVII–XIX вв.**

«Эпоха»

2007

Законы вольных обществ Дагестана XVII–XIX вв. / «Эпоха»,
2007

Вниманию читателей предлагается переиздание редкой книги, составленной известным дагестанским историком Х.-М. Хашаевым и вышедшей в 1965 г. в издательстве "Наука" под эгидой Дагфилиала Академии наук СССР. Сборник этот включил архивные материалы, представляющие собой бесценный памятник общественной, социально-экономической жизни, духовной и этической культуры народов Дагестана XVII–XIX вв. и закрепившие обычное право в виде адатов сельских общин, "вольных" обществ. Публикуемые материалы помогают понять природу дагестанского тухума, сельской общины, дают представление о законодательстве некоторых дагестанских владетелей. В нынешнее время, когда необычайно возрос интерес людей к своей истории, истокам своей духовности и традиций, выработанных духовным потенциалом народа, нормами, устоями совместной жизни, уважительного добрососедства, взаимопонимания, почитания опыта и мудрости старших, эта книга побудит пересмотреть многие взгляды на наше прошлое и взять из него те непреходящие моменты, которые не потеряли своей значимости и в наши дни.

, 2007
© Эпоха, 2007

Содержание

Предисловие	6
Тухум	7
Сельская община	9
«Вольные» общества	11
Сведения об Акушах	13
Сведения о Кайтаге, собранные по некоторым данным	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Законы вольных обществ XVII–
XIX вв.: Архивные материалы
Составление, предисловие и
примечание Х.-М. Хашаева**

Текст печатается по изданию:

Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965.

Предисловие

Обычное право горцев Северного Кавказа и Дагестана, привлекавшее пристальное внимание видных дореволюционных русских ученых М. М. Ковалевского¹, Ф. И. Леонтовича² и многих других, оставалось до последнего времени вне поля зрения наших юристов, историков и этнографов. Только в 1963 г. по интересующему нас вопросу вышел из печати ценный труд М. О. Косвена³, где уделяется значительное внимание Дагестану. В разное время было опубликовано также несколько небольших работ местных авторов⁴. Этим и исчерпывается изучение дагестанских адатов советскими учеными.

Между тем нельзя не согласиться с В. К. Гардановым, который пишет: «Можно без преувеличения сказать, что адаты горцев Северного Кавказа являются главнейшим, а подчас и единственным источником для характеристики социальных отношений у этих народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и в особенности для периода XVIII – начала XIX в.»⁵.

Для изучения истории Дагестана публикация документов обычного права имеет особенно важное значение. Как известно, Дагестан до второй половины XIX в. не представлял собой единого целого в социально-экономическом и политическом отношении. Он был разбит на ряд владений, имевших самостоятельную политическую власть: Аварское, Казикумухское, Кюринское, Мехтулинское, Дербентское ханства, шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, владения кадия и майсума табасаранских, владения андрей-аульских, аксайских и костековских князей. Кроме того, в нагорной части Дагестана существовало более 60 относительно самостоятельных «вольных» обществ. Каждое из этих политических образований имело свои особенности, свой язык или диалект, свои адаты. Феодалная раздробленность порождала междоусобные войны и вражду между народами. В этой обстановке консервировались пережитки далекой старины.

Присоединение Дагестана к России привело к ликвидации междоусобных войн и созданию в 1860 г. единой администрации для всего Дагестана. В Дагестанской области развернулось строительство дорог и мостов, экономика, находившаяся в застойном состоянии, стала медленно развиваться. В конце XIX – начале XX вв. здесь стали складываться капиталистические отношения. Однако накануне Великой Октябрьской социалистической революции Дагестан оставался одной из отсталых окраин царской России, где трудящиеся находились под двойным гнетом – царизма и местных эксплуататоров. Здесь господствовали феодальные отношения, которые в нагорной части края нередко переплетались с пережитками патриархально-родовых отношений.

Вследствие всего этого до наших дней дошли интереснейшие материалы обычного права в виде адатов разных сельских общин и «вольных обществ», которые не только запоминались, как было принято думать, но и аккуратно записывались на арабском языке.

Публикуемые в сборнике материалы помогают понять природу дагестанского тухума, сельской общины, «вольного» общества и дают представление о законодательстве некоторых феодальных владетелей. Остановимся коротко на этих вопросах⁶.

¹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1888. т. 1–2.

² Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882–1883. Вып. I–II.

³ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

⁴ Хашаев Х.-М. Кодекс законов Умму-хана аварского (Справедливого). М., 1948; Хашаев Х.-М. и Саидов М.С. Гидатлинские адаты. Махачкала, 1959; Алибеков Манай. Адаты кумыков. Махачкала, 1927.

⁵ Гарданов В.К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа XVIII – начала XIX вв. // Советская этнография 1963, № 5. С. 12.

⁶ Подробнее об этом см. Хашаев Х.-М., Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 220–242.

Тухум

Дореволюционные историки, этнографы и юристы уподобляли дагестанский тухум XIX в. классическому роду и объявляли Дагестан краем, в котором господствует родовой строй, ошибочно принимая пережитки родовой и патриархальной семейной общины в Дагестане за живое ее бытование. Между тем дагестанский тухум в этот период уже не являлся классическим родом, так как здесь отсутствовала необходимая основа классического рода – родовая собственность на средства производства. Тухум уже не был ни хозяйственной, ни политической единицей. В то же время он не был и семейной общиной.

Как известно, в демократической большой семейной общине существовал семейный совет, в котором на равных правах могли участвовать мужчины и женщины. Перед этим собранием отчитывался глава семьи; собрание принимало окончательное решение, чинило суд над членами общин и т. д. Но самое главное заключалось в том, что в такой архаической большой семье существовала полная общность производства и потребления.

В Дагестане XIX в. об этом не могло быть и речи. Если и существовала нераздельная семья позднейшего типа, то уклад в ней отнюдь не был демократическим. Женщина была придавлена и унижена не только пережитками патриархальных обычаев, но и исламом.

Дагестанский тухум к этому времени представлял собой родственную группу по отцовской линии, которая, вероятно, образовалась в результате распада большой патриархальной семейной общины на малые индивидуальные семьи, сохранявшие между собой экономические и этические связи: взаимопомощь, привилегии родственников на приобретение дома или пахотного участка, расположение в селении домов малых семей в одном квартале.

Таким образом, дагестанский тухум – это лишь пережиточная форма ранее существовавших кровнородственных связей. М. О. Косвен называет его патронимией. «Патронимия, – пишет М. О. Косвен, – возникая и складываясь в условиях патриархально-родового строя и сохраняясь в последующих формациях, имеет сама свою историю и претерпевает вместе с развитием всего общества весьма значительные и глубокие изменения – от ее архаической формы, выражающей ее первоначально-общинную, коллективистическую сущность, до ее распадного и пережиточного состояния»⁷. В этом последнем состоянии мы и застаем тухумы Дагестана в XIX в.

Тухум не имел обычного для настоящего рода тотемного названия, не имел тухумного культа; названия тухумов происходили или от имени какого-либо видного предка, или же от характера прежней деятельности лиц, которые входили в тухум, или же от названия их прежнего места жительства. Как свидетельствуют публикуемые нами документы, в дагестанский тухум могли входить не только родственники, но и лица, происходящие из других тухумов. Таким образом, кровнородственный характер тухума в известной мере был нарушен; тухум XIX в. не знает ни общности производства, ни общности потребления.

Основными характерными чертами дагестанского тухума XIX в. являются: защита члена тухума не всем тухумом, а ближайшими родственниками; отсутствие экономического и политического равенства между отдельными членами тухума; отсутствие тухумной власти; решение дел членов тухума не тухумной организацией или единолично тухумным старейшиной, а администрацией сельской общины, выборными старейшинами, позже (с 60-х годов XIX в., после присоединения к России) сельским старшиной и сельским судом.

Как явствует из публикуемых архивных материалов о тухумах, богатые и сильные тухумы занимали в сельском обществе привилегированное положение. В некоторых обществах только лица из определенных фамилий имели право занимать должность старейшины: так, напри-

⁷ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 97–98.

мер, в узденской части Табасарани, в селениях Ругуджа, Храх и Хив старейшины были наследственными. В раятской же части Табасарани тухумы вовсе не имели влияния на общественное управление. Здесь существовали сословия и действовала власть бека.

Почти в каждом селении имелся тухум «лагазал», что значит тухум рабов. Они происходили от бывших военнопленных, превращенных в рабов, но уже освобожденных и успевших обзавестись своим хозяйством наравне с узденями. В 1855 г. в Аварии оставалось всего лишь 30 еще не освобожденных рабов, которыми владели отдельные богатые уздени.

В 60-х годах XIX в. врач Кюринского округа А. Цветков, материалы которого о тухумах мы публикуем, изучил тухумы этого округа и пришел к выводу, что тухум – это «круг родственников, происходящий от одного предка; называется же тухум не только от имени родоначальника, но и по каким-либо случайным обстоятельствам». По свидетельству А. Цветкова, глава тухума не имел никакой принудительной власти, а мог давать только советы. В круг обязанностей тухума не входило оказание помощи бедным членам, они получали лишь некоторую помощь из фонда зеката в сельской мечети. Тухум мог исключить недостойного члена из своей среды; об этом объявлялось в мечети.

В указанный период выкуп за кровь платила семья убийцы, родственники же могли только помочь в уплате, хотя это было необязательно. Более того, родовая месть, как правило, уступила место индивидуальной мести, но отклонение от этого общего правила опять-таки могло быть.

Из описания А. Цветкова видно, какая громадная пропасть лежит между классическим родом и дагестанским тухумом, хотя отголоски первобытнообщинного строя в тухумной организации Дагестана, бесспорно, имеют место.

Длительное сохранение пережиточных форм родовой организации объясняется рядом специфических условий, которые были присущи обществам нагорного Дагестана, в частности существованием натурального хозяйства, отсутствием централизованной государственной власти, в связи с чем возникала необходимость для защиты личности и имущества не только сохранять узы родства, но и создавать их искусственно (прием в тухум посторонних, молочное родство, добровольное объединение в один тухум выходцев из разных селений при заселении нового аула и т. д.).

Сельская община

Низовой политической организацией Дагестана XIX в. становится сельская община, состоящая из индивидуальных малых семей.

Для дагестанских сельских общин XIX в. характерно господство частной собственности на двор, скот, пахотные и покосные земли и общинной собственности – на выгоны и пастбища.

Кровнородственный принцип расселения был уже нарушен, территориальные связи превалировали над родственными. Основной и решающей причиной распада родовых связей и возникновения территориальных являлась победа частной собственности над собственностью общинной.

Правда, сельская община в Дагестане сохранила некоторые черты родового строя. Народное собрание – джамаат играл большую роль, органы сельского управления составлялись здесь, как правило, по принципу представительства от тухумов. Однако родовая демократия здесь была нарушена, и некоторые богатые тухумы закрепляли за собой право наследственно занимать должности старейшины или кадия.

26 апреля 1868 г. наместником Кавказа было утверждено Положение о сельских управлениях Дагестана. Это Положение в основном сохранило существовавший ранее и естественно сложившийся порядок управления сельскими общинами. Однако оно во многом снизило роль джамаата, в котором от каждого дыма мог теперь участвовать только один представитель, а не все взрослые мужчины. На джамаате формально выбирался старшина, однако кого утвердить старшиной, решал окружной начальник; выборность членов сельских судов сохранилась, количество их определялось от 3 до 5 и более в зависимости от количества населения в сельской общине. Основными вопросами, которые выносились на обсуждение джамаата (до утверждения Положения), были: обеспечение безопасности территории и жителей общин, выбор представителей для решения спорных вопросов между соседними общинами, выбор суда – маслагата, строгая регламентация сельскохозяйственных работ. Джамаат рассматривал также вопросы, связанные с очисткой оросительных каналов, с проведением новых дорог и исправлением старых, вопросы водопользования, найма общественного пастуха, выборов дибира (муллы), старейшин и в помощь им глашатая.

Подобный порядок управления сельскими общинами существовал во всем нагорном Дагестане, однако в каждом селении были свои особенности, о чем свидетельствуют приводимые нами документы.

Каждое самостоятельное сельское общество или их союз вырабатывали для себя определенные адатные нормы поведения и принимали меры к установлению мира между тухумами. Но адаты в разных обществах были до такой степени различны, что к ним как нельзя более применима поговорка: «Что город, то норов, что деревня, то обычай». Можно только сказать, что маслагатные решения представителей сельских обществ, решения джамаатов и сельских судей послужили источником обычного права, сложившегося в Дагестане.

Дела по шариату решали кадии. В большинстве узденских магалов кадии избирались из людей, знающих шариат и известных своей «ученостью».

Сельская община Дагестана в XIX в. раздиралась классовыми противоречиями, общинники угнетались феодалами, богатой узденской верхушкой и духовенством. Эксплуататорская верхушка села не только использовала выгодные ей адаты, но и создавала их, диктуя свою волю джамаату. Шариат, имея силу закона религии, также отвечал интересам как духовенства, так и других притеснителей.

Царское законодательство открыто требовало от населения соблюдения адатов и шариата.

В Положении об управлении Дагестанской областью, утвержденном 5 апреля 1860 г., говорится, что дагестанский «народный суд» учреждается «для рассмотрения поступающих к нему жалоб по делам, подлежащим разбирательству по адату и шариату, и для постановления по ним решений». В параграфах 47–48 этого положения указано, что окружные «народные суды» и словесные суды при ханах разбирают дела «по местным обычаям туземцев (адату)».

Сельские словесные суды мелкие уголовные и гражданские дела разбирали по адату, а брачные и наследственные дела – по шариату. Этот порядок строго охранялся царизмом. Так называемые народные суды со всей жестокостью обрушивались на каждого, кто посмел отступить от старых обычаев и от шариата. При такой деятельности «народных судов» самые архаические патриархально-феодалные институты не только не проявляли тенденции к исчезновению, но, наоборот, укреплялись.

Адаты поддерживали такие уродливые пережитки родового быта, как кровная месть, выдача замуж малолетних, многоженство, оскорбление женщин и т. д. Царская администрация и местные эксплуататоры всеми силами стремились сохранить пережитки родового строя, разжигали национальную рознь между многочисленными народностями Дагестана и тем самым отвлекали их от классовой борьбы. Адаты Дагестана сохраняли свою силу вплоть до установления Советской власти в стране.

Как мы уже говорили, сельская община в своей деятельности руководствовалась не только адатом, но и шариатом. Ислам пустил в Дагестане настолько глубокие корни, что лицо, отказавшееся от шариатского решения, считалось виновным. Мечетская собственность – вакуф – защищалась как священная; так, Цекубская сельская община взыскивала вакуф силой, если вакуфодержатели сами добровольно не вносили в мечеть продукты, предусмотренные по вакуфу.

Шариат вполне уживался с реакционными архаическими обычаями, придавая им религиозную окраску Недаром Дагестан при царизме называли страной адата, Корана и кинжала.

«Вольные» общества

«Вольными» обществами в Дагестане назывались объединения нескольких сельских общин и отселков в один союз во главе с крупным и сильным сельским обществом. Принцип образования этих союзов был территориальный – объединялись сельские общества, расположенные близко друг к другу. В свою очередь «вольные» общества могли объединяться в более крупный союз «вольных» обществ. Это случалось тогда, когда угрожала серьезная опасность внешнего нападения. Подобный союз во главе с акушинским кадием постоянно существовал, например, у акушинских даргинцев.

Некоторые историки и этнографы называли «вольные» общества республиками, а их союзы – федеративными республиками и, таким образом, идеализировали их. Они не замечали классовых противоречий в «вольных» обществах, а видимость свободы и демократизма принимали за действительность. Известно, что в основе объединения не всегда лежал принцип федерации. Союзы создавались и конфедеративным способом – сильное общество диктовало свою волю слабым союзникам. Что же касается независимости «вольных» обществ, то она была относительной. Многие «вольные» общества находились под юрисдикцией ханов и становились независимыми от них только тогда, когда ханская власть ослабевала.

Много писали о том, что «вольные» общества представляют собой объединение племен, т. е. их рассматривали как родовые, а не территориальные организации. Этой концепции, в частности, придерживался А. Комаров⁸.

Известно, что «вольные» общества, или объединения сельских общин, образованы по территориальному признаку, так как в состав «вольного» общества входило разноязычное население; границы его и границы распространения племенного языка не всегда совпадали. Население, говорящее на аварском языке, образовывало десятки «вольных» обществ, или в одно «вольное» общество входило население, говорящее на нескольких языках и диалектах. Следовательно, это не племенное объединение, а территориальное.

Следует особо отметить, что соглашения, которые заключались между враждующими лицами и тухумами отдельных сельских общин, а также «вольных» обществ, о прекращении вражды между ними, о дружбе и взаимопомощи являлись важным сдерживающим фактором, содействовавшим сохранению мира среди горцев. При этом устанавливался большой залог, который теряла сторона, допустившая нарушение соглашения. Не менее важную роль в сохранении мира играли суды маслагата (третейские суды), в которых принимали участие признанные населением старцы.

Установлено, что одни «вольные» общества Аварии платили подати и отбывали повинности аварским ханам, другие «вольные» общества когда-то в прошлом имели своих феодалов (общества Гидатль и Кахиб), а затем освободились от них, а третьи общества освободились от феодальной зависимости в период движения горцев под руководством Шамиля. При всем этом нельзя отрицать, что «вольные» общества в отдельные периоды выступали как независимые и самостоятельные объединения и боролись против ханских домогательств.

Известно, например, что оротинцы, каратинцы, андийцы, гумбетовцы и другие не раз отказывались подчиняться аварским ханам, но всегда силой их приводили к покорности. Однако многие «вольные» общества благодаря коллективной защите своих интересов сумели отстоять некоторую независимость от ханов в управлении общинами и в значительной мере обеспечить целостность территории общин.

Что же касается внутреннего режима, то «вольные» общества были раздираемы противоречиями как между отдельными сельскими общинами, которые различались по богатству

⁸ «Записки Кавказского отделения Русского географического общества», Тифлис. Кн. VIII. 1875. С. 6.

и мощи, так и внутри сельских общин, жители которых уже давно разделились на богатых и бедных. Решающее слово в них, как отмечено выше, принадлежало богатым.

Из всего сказанного явствует, что объединения сельских общин – «вольные» общества – в XIX в. не являлись абсолютно независимыми и демократическими образованиями. Они не являлись и родоплеменными организациями, в которых якобы господствовали отношения первобытнообщинного строя и отсутствовали классы и классовая борьба, как утверждали некоторые историки. Напротив, они представляли собой территориальные объединения с наличием классовых противоречий, правда, завуалированных значительными пережитками патриархально-родового быта. Эти пережитки использовались богатой верхушкой в собственных интересах.

* * *

Публикуемые в сборнике материалы извлечены составителем из фонда Кавказской археографической комиссии Центрального Государственного исторического архива Грузинской ССР, из Музея этнографии Грузинской ССР, рукописного фонда ИИЯЛ Дагестанского филиала Академии наук СССР и из частных коллекций. Почти все вошедшие в настоящий сборник документы не только не были опубликованы, но в большинстве своем оставались неизвестными исследователям и не использовались.

Тексты печатаются в полном соответствии с подлинником, однако явные ошибки или опiski в документах по мере возможности выправлены. Встречающийся разноречивой в написании по возможности приводится к наиболее правильному варианту. Документы, написанные по-арабски, приводятся в подлиннике и в русском переводе.

Публикация документов по возможности сопровождается примечаниями, причем дается только самое необходимое для использования данного документа как источника. Более детальное комментирование этих материалов должно составить предмет специальной исследовательской работы. В конце приложен словарь непереуведенных слов и терминов.

Составитель настоящего сборника надеется, что сборник окажется полезным источником для изучения истории и этнографии Дагестана, а также Кавказа вообще. Ряд вошедших в сборник документов может служить источником для изучения колониальной политики царского правительства на Кавказе в конце XIX – начале XX вв. В связи с этим необходимо учитывать, что часть документов сборника имеет ярко тенденциозную окраску, так как они составлялись в основном людьми, принадлежавшими к господствующему классу царской России и являвшимися вольными или невольными проводниками колониальной политики царизма на Кавказе.

В заключение составитель сборника приносит глубокую благодарность члену-корреспонденту Академии наук ГрузССР Г. С. Читая, предоставившему в наше распоряжение рукопись адатов бывшего Андийского округа, кандидату юридических наук А. С. Омарову, предоставившему нам русский текст судебного шамхала Тарковского и хана Мехтулинского, кандидату филологических наук М. С. Саидову, лаборанту М. Нурмаго-медову, информаторам М. Омарову из сел. Датуна, Г. Абдурахманову из сел. Сомода, М. Ибрагимову из сел. Тидиб, О. Салихилову из сел. Батлук, которые помогли отыскать, перевести и сверить арабские тексты адатов, лаборанту Л. А. Гавриленко и сотрудникам ЦГИА ГрузССР за помощь в сверке архивных материалов о тухумах.

Х.-М. Хашаев

Сведения об Акушах

1. На акушинском языке тухум называется «дзегала канте». В тухуме считается 15 родственных степеней: 1. Урши (сын); 2. Уршила урши (внук); 3. Дудеш (отец); 4. Дудешла дудеш (отца отец); 5. Удзы (родной брат); 6. Удзыла урши (брата сын); У. Удзыкар (двоюродный брат); 8. Удзы карлаурши (сын двоюродного брата); 9. Кариган (так называют друг друга сыновья двоюродных братьев); 10. Каригаурши (сыновья от детей двоюродных братьев); 11. Гариган (сыновья от кари-гаурши,); 12. Гаригаурши (сыновья гаригана); 13. Барикан (сыновья гари-гаурши); 14. Гарикаурши (сыновья гарикана); 15. Турбильган (завязывающий шашку) – сын барикаурши, последнее лицо в тухуме. Самое главное лицо в доме есть старший сын, распоряжающийся и управляющий домом, – халал дарга. Старшего лица в тухуме нет; халал дарга при отношении к турбильгану будет таким же турбильганом. Никто не имеет права отделиться от своего тухума, как палец от руки.

При убийстве братом брата убийца не получает только части имущества убитого, но из тухума не выходит. Родового прозвания тухума в Акушах не имеется, а вообще называются по имени того лица, которое приобрело почему-либо известность в народе, и это название сохраняется до появления нового известного лица. Особыми правами тухумы не пользовались. В прежнее время всегда выбирали кадиями лиц, известных своей ученостью, знанием шариата, и уже при русских начали назначать кадиями неграмотных, так был поставлен Зугум – отец Нур-Багомы-кадия и Нур-Баганд-кадий, не знающие грамоты.

2. В Акуше было 4 карта (шила-холате) (аульные судьи, хулел-карт), составляющие сельское управление (из каждого магала по одному), и кроме их выбирались еще 4 карта – инспектора, они же и администраторы (джамаатла-холате), народные судьи, которые лично не разбирали дел, но проверяли разобранные картами дела и если находили дела неправильно решенными, то собирали джамаат, объявляли ему о неправильных действиях картов (шила-холате) и сменяли недостойных по согласию народа, зарезав предварительно быка у провинившегося карта.

У джамаатла-холате были у каждого в распоряжении по 2 человека джамаатла-барлулес (чауши), которые собирали следуемое в пользу мечети из вакфских земель, брали штраф у тех, которые воровали из мечети, не делали дороги к землям вакф, кто не исполнял завещаний своих отцов и не делал поминок на ту сумму, как приказано было в завещании; кто из грамотных людей увозил девушку – брали штраф с того, а с неграмотных штраф брали по распоряжению уже других картов-судей!

У каждого карта-судьи было по 4 человека шила-барлулес, последних было всего 16 человек, и каждый карт мог распорядиться любым шила-барлулес, приказать ему взыскать штраф и пр.

В Акуше был один мангуш, он один имел право передавать все распоряжения картов и кадиев народу, а также если карты задумывали что-нибудь новое или решали важный вопрос и хотели знать мнение народа, то справлялись об этом через мангуша, который приносил им согласие народа на их решение или же отмену такового. При взыскании с кого-нибудь большого штрафа вместе с несколькими барлулес посылались непременно и мангуш.

При въезде в Акушу, около моста, есть площадка Холарги Кадала Хар, где выбирались только кадии; когда нужно было избрать нового кадия, народ собирался на этой площадке и выделял из себя стариков для совещания – кого избрать. Обыкновенно вопрос этот решался предварительно накануне в небольших кружках, и старики знали уже, кого народ хотел выбрать кадием; когда старики удалялись для совещаний, они оставляли с народом будущего кадия, а потом по совещании посылали к народу мангуша с 2 стариками из своего круга, ассистентами, и мангуш объявлял народу, кто был избран кадием. Если кадий отказывался от выбора,

то старики снимали папахи и упрашивали его принять на себя должность, а если и затем он упорствовал и не соглашался, то грозили разорить его дом. На обязанности кадия было разбирать шариатские дела, и больше ничего. У него одного имелась именная печать, и если карты разобрали какое-либо дело своего жителя с жителем постороннего владения и по этому разбору нужно было сообщить что-нибудь правителю того владения, то карты посылали мангуша к кадию, чтобы он написал нужную бумагу.

Шила-холате, кроме разбора дел по адату, ни во что не вмешивались.

Джамаатла-холате были хозяева и администраторы, они следили за неисправностью дорог, мостов и мечетей и проч.

Картов обоих сортов и мангуша выбирали так же, как и кадиев, но на совещаниях стариков принимал участие и кадий, барлулес служили по очереди, каждый житель 1 год; шила-барлулес назначались неграмотные, а джамаатла-барлулес – непременно грамотные.

3. Так как кадием выбирался умнейший и ученейший человек, то родовых кадиев быть не могло. Если кадий желал сам вмешиваться в дела, то он мог изменять и адатные решения картов по своему усмотрению, назначать большие штрафы и пр., но обыкновенно кадии уклонялись от таких дел, которые подлежали ведению картов.

Кадий объявлял войну и собирал ополчение, он назначал сотенных командиров и приказывал, по сколько человек должно с каждого двора идти на войну. В важных случаях собиралось поголовное ополчение, всякий могущий носить оружие должен был идти. Кадий непременно должен был командовать войсками и идти в битву впереди всех. Войска довольствовались на собственный счет, брали чуреков из дому, а если чуреков не хватало, то отправляли одного из 10 воинов домой за хлебом, и он доставлял на всех 10 человек чуреков.

4. О делах общественных в Акуше собирались толковать среди селения. О делах всех союзных обществ собирались на Дюз-майдане. Сбор на Дюз-майдане был при настоятельных надобностях иногда 3 и 4 раза в год, а иногда и 2–3 года сборов не было; но почти ежегодно был сбор. Собирались на Дюзмайдане 5 палаток, от 5 обществ: Акушинского, Цудахарского, Усишинского, Мегинского и Мекегинского. Здесь решались дела по поземельным спорам между этими обществами и соседями. Решались вопросы о войне. Когда к акушинскому кадию поступало много жалоб от других обществ, но они не представляли особенной важности, то собирались на площадке Ханц Кала недалеко от Усиши, куда могли не приходиться жители тех обществ, которых дела не касались. Сборы бывали обыкновенно по письменным извещениям акушинских кадиев.

5. Так как акушинские общества были весьма сильны и страшны для соседей, то они были в особенном уважении у шамхала и ханов, и отсюда явился адат, что при коронации шамхала все кадии 5 даргинских обществ приглашались на празднество с почетными людьми и акушинский кадий надевал папаху как почетнейший и получал за это коня с седлом. Все бывшие почетные люди на коронации также получали подарки: черкески, бешметы и пр., даже дарили и их нукеров.

ЦГИА ГрузССР, ф. 416, оп. 4, д. 18, дл. 1–2.

Предположительно датируется 50—60-ми годами XIX в.

Автор неизвестен.

Сведения о Кайтаге, собранные по некоторым данным

Жители, населяющие Кайтаг, слово «тухум» (род, родство, фамилия) в разговоре заменяют иногда другими однозначными словами: «эвлед», «джине»⁹, «табун-тайпа», «ковм» и «утцы-урми»¹⁰.

Так, например, в Кайтаге, Каракайтаге вместо слова «тухум» употребляют «табун-тайпа»¹¹, в Уркарахе, Кишья, Харбуке, в Кубачах и других деревнях Верхнего Кайтага – «утцы-урми», в Утемише – «джине», в Башлах – «эвлед», в Терекеме – «ковм», но общеупотребительное название везде в Кайтаге – «тухум».

Главой тухума считается преимущественно старший по летам или же тот, кто умнее.

Очень часто случается, что старший в роде гораздо хуже знает адаты, чем другой, молодой, к которому члены тухума обращаются за советами и исполняют его приказания.

Прав в отношении членов тухумов глава не имеет ровно никаких; давать наставления, устранять происходившие в семье беспорядки обязан; но исполнение членами тухума советов и приказаний своего главы зависит совершенно от их доброй воли.

Неоднократно случается, что глава тухума приказывает делать одно, а члены его делают совершенно другое, и он не имеет никакого права заставить или наказать их за послушание.

Впрочем, члены тухума в крайних случаях сами обращаются за советами с просьбой к главе; если его советы и наставления будут соответствованные их желаниям, они слушают и исполняют их, а если нет, оставляют без внимания или выполняют по собственному благоусмотрению.

Все тухумы везде в Кайтаге получили название из деревни по имени своих предков, чем-нибудь прославившихся и отличившихся, например, храбростью, умом, богатством или ученостью и т. п.

Тухум присвоил себе с глубокой древности название по имени знаменитого своего предка и ныне слышит в народе под тем же названием, так, например, с давних времен тухумы: 1) Кара-иби, 2) Кадий, 3) Юнус, 4) Анка и 5) Карахалк (в Башлах) и 6) Акай-лы (в Кубачах); об этих тухумах в памяти народа и ныне сохранились темные предания. Например, о тухуме Кара-иби следующее предание: с незапамятных времен янгикентские и маджалисские беки вели борьбу между собою за имущество, выброшенное волнами на берег Каспийского моря (где ныне кайтагские минеральные воды); после долгой и ожесточенной борьбы маджалисский бек был разбит и найденная добыча досталась на долю янгикентского. В этом деле участвовал храбрый Кара-иби, башлинец, со своими приверженцами (он держал сторону янгикентского бека). Здесь Кара-иби особенно отличился и даже был виновником одержанной победы, за что сам поплатился тяжелой раной и вскоре умер. И с тех пор имя его удержал за собой тухум.

Тухуму дано название «Кадий»¹² по следующему поводу: прежде башлинцы жили в семи разных местах, потом по общему соглашению, когда поселились в одном месте (где ныне живут) и образовали одну деревню на общих началах и основаниях, они пожелали иметь у себя хорошо ученого кадия. Но, встретив большое затруднение в его выборе, обратились к цудахарцам, которые по просьбе их уважили им одного из кадиев (привезенных в Цудахарию из Аравии завоевателями Дагестана), который, переселившись с своим семейством в Башлы, жил и исполнял требования, желания и просьбы народа. С тех пор его тухум получил название кадия, которое и ныне уцелело.

⁹ Эти слова есть синонимы слова «тухум».

¹⁰ Эти слова есть синонимы слова «тухум».

¹¹ В разговоре употребляют также в смысле: толпа, большое скопище народа.

¹² Теперь из этого тухума в кадии не выбирают по неимению грамотных.

Анка – это название дано тухуму по следующему случаю: однажды башлинцы удалили из деревни уцмия и место его занял самовольно один бек. Анка, проживавший в это время в Дербенте, узнав об этом, приехал в Башлы и убил бека.

Тухум Юнус назван по имени предка Юнуса, славившегося в народе своим умом, знанием и опытностью, к которому всегда обращались за советами и слушали его беспрекословно.

Тухум Карахалк¹³ получил это название вследствие того, что родственники его – черного цвета, и потому, что занятие их было исключительно земледелие. И, наконец, тухум Акайлы получил название от своего предка, который был очень богат, умен и храбр. Он особенно отличался при уцмиях Радзи, Амир-Гамзе и Мама, с последним он часто делал набег на Грузию. В Башлах и других местах кроме названных тухумов особо замечательные следующие: 1) Сунгур-бек, 2) Заир-бек, 3) Сутай, 4) в Кубачах – Хаджала-Шахбан, 5) Хаджи-Юсуф, 6) Аю-Каймар, Ях-яла-Аба-кар и Куртала. В Киркия: 7) Акай, 8) Кевха (в Шалакшилах), 9) Башурты (в Варсите), 10) Гасан-бек (Киркия), 11) Басур (в Кирцыке), 12) Ярдар (в Варсите); в Каракайтаге: 13) Омар (в Джибагнах), 14) Аравлар, 15) Наналар, 16) Панка-Адам, 17) Эльдар-Чопан и 18) Черталар (в Карацане), 19) Канцляр, 20) Ибрагим-Магомед и 21) Чунлы (в Уркарахе), 22) Виштайла, 23) Каабан, 24) Нуградин (в Кишья), 25) Каймалар и 26) Цыца-Магома (в Харбуке), 27) Турмар (в Зубанчах), 28) Исмаил (в Калакорейше).

В Шурканском магале: 29) Кади-хан-Омар, 30) Мереле и 31) Магомед (в Джирабачах), 32) Джахвала и 33) Гасан-Магомед (в Лища), 34) Адам и Гуссейн (в Дахнисе), 35) Ника-Магома и Малиц (в Абдашке), 36) Сулейма (в Сураги).

В Гамринском магале: 37) Абдурахман, 38) Заир-бек, 39) Савай, 40) Хаджи-Альбуру, 41) Муртузали, 42) Шихалаяй, 43) Аюкун-Мирза (в Утемише), 44) Кабан-Хаджи, 45) Абу-Хаджи, 46) Атав, 47) Абдулай-Абдула, 48) Атай-Гаджи, 49) Ким-Кими (в Каякенте), 50) Гамза (в Мюрего), 51) Хусул (в Джибагнах), 52) Ахмед, 53) Уруч (в Джевгате) и 54) Кабани-Магома (в Рука) и др.¹⁴

Родственники считаются принадлежащими тухуму (относительно старшего в роде и в других случаях); в некоторых местах Кайтага – до 4-го и 5-го, а в некоторых – до 7, 8 и даже 9-го колена. Так, например, в Кубачах – до 4-го колена «утцы» – утцы-акай и накла-утцы-кай; дети последнего колена считаются принадлежащими тухуму только номинально: например, если кто-нибудь из них будет убит, то остальные родственники тухума не ищут его крови; точно так же, если из них кто-нибудь убьет кого-нибудь, то они за него не отвечают; общество же как в первом, так и во втором случаях взыскивает с убийц штраф и назначает их канлыями на 1 или на 2 года или же на неопределенное время.

В Каракайтаге, Урчамуле, в Терекеме и в Башлах родственники принадлежащими тухуму считаются до 5-го колена: утцы, утцы-кар¹⁵, кари-кан и гари-ган.

В Гамринском магале – до 6-го колена: кардаш¹⁶, утцы-кар, кари-кан, гари-ган, тури-кан и тергехеус. Дети последнего колена, так же как и в Кубачах, хотя и считаются принадлежащими тухуму, но по убийству кого-нибудь из них и наоборот остальные родственники тухума крови его не ищут и за кровь не отвечают.

В Шурканском магале – до 8-го колена: утцы, утцы-кар, кари-кан, ри-кан, гари-ган и турби-кан.

В Уркарахе, Кишья и Харбуке (вообще в деревнях Верхнего Кайтага) – до 9-го колена: утцы, утцы-кар, карман-гари-ган, бари-кан, кари-кан, гари-ган и турби-кан.

¹³ Букв.: «черный народ».

¹⁴ Последние четыре – каракайтагского магала.

¹⁵ В Терекеме: утцы-кар-ашми (двоюродный брат).

¹⁶ В Терекеме, Башлах и Утемише: утцы-кардаш (брат).

Названия степеней родства на местных языках, например, на каракайтагском и кайтагском: отец – ата, мать – аба, сын – урши или дарга, дочь – рирси, брат – утцы, двоюродный брат – утцы-кар, троюродный – кулиган и т. д., дед – хулах-туа, бабушка – хулаба, или дед аттала-атта, бабушка – аббала-абба, внук – даргома-фуга, правнук – дарга – дарга-даргани, дядя – аттала-утцы, тетка – аббала рицы, племянник (по отцу) – утциля дарга, племянник (по матери) – рыцыля дарга, племянница (по отцу) – утциля-рарси, племянница (по матери) – рицалы-рирси, прадед – аттала-аттала-атта, прабабушка – иббала-аббала-абба.

На кубачинском языке: юцы-абала – сестра, сын – кал, ютцы – внук, канакал – внучка, дочь – вате, юсея – юсе, правнук – кагака-кан, правнучка – юссела-юссела-юссе. Остальные же степени родства на кубачинском языке так же, как и по-кайтагски.

Степени родства на языках, которыми говорят в Башлахе, Утемише и Терекеме: отец – ата, мать – ана, сын – улан, дочь – киз, брат – кардаш, сестра – киз-кардаш¹⁷, дядя – агаси, тетка – икичи, племянник – кардашин-улары, племянница – кардашин-кизы, дедушка – глугата, бабушка – улу-акаси, прадедушка – баба, прабабушка – снашкин-анасин-анаси, внуки и правнуки – небе. Обязанностей члены тухума в отношении своего главы не имеют никаких; они слушают и исполняют его приказания или советы по своему благоусмотрению (как и прежде сказано).

Тухумов, которые бы пользовались наследственно особыми правами относительно общественного управления, в Кай-таге не было и нет, кроме Урчамульского магала.

В Урчамульском магале было три тухума, пользовавшихся наследственно [правом] на общественное управление¹⁸, — Кевха (в Шеляншах), Гасан-бек (в Киркия) и Басур (в Карцьке); из этих трех тухумов постоянно выбирались старшины, которым переходило наследственно это право от отца к сыну. По какому случаю этим тухумам предоставлено наследственное¹⁹ право на общественное управление, кем оно предоставлено и когда? Наверное неизвестно. Только об одном тухуме Кевха и сохранилось небольшое и темное предание. С давних времен вблизи деревни Шеляншах была большая деревня Ирцьга, из которой постоянно в военное время выходило 80 всадников – 40 на белых и 40 на вороных лошадях. Во время разорения этой деревни персидским шахом (неизвестно каким) одна женщина с несколькими детьми спаслась бегством и поселилась в сел. Шелянши. С тех пор будто бы тухуму дано название Кевха и наследственное право на общественное управление. Из прежде поименованных тухумов в других частях Кайтага есть много таких, которые хотя не пользовались наследственно [правом] на общественное управление, но из них постоянно выбирались старшины по желанию общества, вследствие того что они пользовались большим уважением и почетом в народе и, кроме того, сами по себе были очень сильны; так, например, тухумы: Омар, Хусул-Ахмед и Галуа (в Джибагнах), Канцляр, Ибрагим-Магомед и Чунлы (в Уркарахе), Виштайла, Каабан и Нуградин (в Кишья), Аравлар, Панка Адам и Наналар (в Карацане), Акайли-Али, Хаджала-Шахбан, Хаджи-Юсуф, Ях-Яла и Куртала (в Кубачах), Казихан и Мерем-Магома (в Джирабачах), Ника-Магома (в Абдашке), Заир-бек, Савай, Хаджи Али-буру и Муртузали (в Утемише), Кара-иби, Юнус, Сутай, Анка (в Башлах) и др. Большая часть из этих тухумов право на выбор в старшины (вследствие уменьшения штата старшин) утратили, а немногие и ныне его удержали, как, например, Омар, Наналар, Исмаил, Акайли-Али, Канцляр, Кара-иби и др.²⁰

¹⁷ Собственно в Терекеме сестра: бадяш.

¹⁸ Родственники тухумов Кевха и Гасан-бека и ныне избраны старшинами, хотя, впрочем, они теперь не пользуются прежними правами.

¹⁹ Одни говорят, что право им дано Абумуслимом, который будто бы вывел их из Аравии, а другие говорят, что персидским шахом.

²⁰ Права и обязанности старшин, выбранных из этих тухумов, исполнять приказания начальника и наиба, как то: назначать лошадей, подводы в случае надобности, взыскивать штрафы и собирать подати.

На глазах народа по настоящее время не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь из родственников отделился добровольно от своего тухума или чтобы тухум кого-нибудь отделил, но адат по этому случаю существует следующий: если, например, кто-нибудь из родственников тухума, будучи очень богат, но бездетен, пожелает, чтобы его наследство перешло в руки другого тухума, он оставляет свой тухум и переходит в другой. Родственник, желающий отделиться, наперед должен взять от общества или уцмию бумагу, за которую обязан заплатить трехлетнего бычка (уцмию или обществу), а своему тухуму – само собою. Со дня получения бумаги он уж больше не принадлежит своему тухуму и живет, где ему вздумается (только не в своем тухуме). Случаи добровольного отделения родственника от своего тухума были очень редки и то только в Урчамульском и Гамринском магалах (например, в Утемише и Киркия), а в остальных местах Кайтага подобных случаев вовсе не существовало. Случаи отделения всем тухумом одного родственника были везде в округе²¹; так, например, если кто-нибудь из членов тухума ведет себя дурно: ворует, убивает, то за него тухум отвечает только до трех раз со стороны мужской и со стороны женской линий, притом ему даются неоднократно наставления об исправлении.

После всего этого, если член тухума не исправляется, его убивают или отделяют. Обряд при отделении родственника обыкновенно совершается следующий: все родственники тухума собираются в определенное место посреди деревни и подле моста, причем присутствуют и посторонние. После долгих совещаний тухум по общему соглашению составляет бумагу²², которую здесь же на месте пишет деревенский кадий и отдает ее отделенному родственнику. Содержание этой бумаги следующее: «Мы, родственники такого-то тухума, отделяем из среды своей такого-то за его дурное поведение, и с этой поры, если его кто-нибудь убьет или он кого-нибудь убьет, то мы за кровь его не отвечаем и его крови искать не будем; обворует ли кого или ограбит – мы также за него не отвечаем, и наоборот; после нас или его если останется какое бы то ни было имущество, мы не имеем на него никакого права, и он также на наше. Кроме того, после сего дня он не имеет права снова войти в состав нашего тухума и быть его членом. В удостоверение чего присягаем на святом Коране и прилагаем свои пальцы. Родственники такой-то и такая-то»²³. Отделенный²⁴ родственник получает от тухума «зоркан-кагат», жертвует на местную мечеть коверчик и отправляется (по адату) в Калакорейш, где прибывает²⁵ гвоздем «зоркан-кагат» к стене большой мечети, жертвует (по адату) один коверчик на калакорейшскую мечеть, а другой – присутствовавшим при этом свидетелям, затем он проживает в Калакорейше или в другом месте – словом, где его примут. В Кубачах даже не существовало и обычая отделять или самому отделяться от тухума. У них если в тухуме попадался дурной человек, они его наказывали и штрафовали до тех, пока он не исправлялся, а если эти меры на него не действовали, его убивали²⁶. До введения наибских управлений в Кайтаге порядок сельского управления существовал на следующих началах: в каждой деревне были члены сельского управления – кадий, старшины²⁷ и почетные лица²⁸. Кадиев было в каждой деревне по одному, но на общественном месте при разборе важного дела кадий избирался один (по желанию общества), более знающий и ученее. Число старшин было весьма неопределенно (кроме Урчамульского магала здесь было 3 старшины и 1 кадий); они назначались и выбирались в

²¹ Кроме Кубачей.

²² В Башлах, Утемише ее называют «рагам-кагат», в Шурканте – «хумбекла», а в остальных местах Кайтага – «зоркан-кагат».

²³ При этом бывают три или четыре свидетеля из посторонних.

²⁴ При отделении тухум дает (по адату) трехлетнего бычка отделенному родственнику.

²⁵ И ныне уцелели признаки гвоздей, которыми прибывали бумаги.

²⁶ Утемишцы также часто прибегали к этой мере.

²⁷ По-кайтагски «хулель»; «кевха» – на языках, которыми говорят в Башлах, Утемише и Терекеме.

²⁸ Почетный карт и тамада везде в Кайтаге.

каждой деревне смотря по ее величине. Так, например, в Каракайтаге всех старшин, имевших право на решение сельских дел, насчитывают 30, в Джибагнях—3, в Карацане—5, в Баршаме—5, в Хадаге—1, в Рука—2, в Карталае—2 и т. д. В Шурканском магале также были старшины в каждой деревне, но с той разницей, что на общественном месте большим уважением и большим правом, чем другие, пользовались всего четыре старшины, которых решения и приказания исполнялись (впрочем, не всегда) беспрекословно; в Башлах старшин было 6, в Уркарахе— 12, в Кишья и Харбуке – по 8, в Кубачах – 7, в Утемише – 4, у терекемейцев не было старшин и других (кроме кадия) сельских членов; их дела решались беками, а если бекским решением оставались недовольны, ходили в Башлы.

Евреи, находясь под властью беков, также не имели у себя ровнотных сельских управлений, дела их решались беками или в Башлах²⁹. Маловажные и пустые дела обыкновенно разбирались и решались местными сельскими старшинами, почетными лицами или кадиями, если истец и ответчик были одной деревни, а если разных, то спорящие отправлялись к тому старшине, который более известен в народе справедливым судьей и брал меньше ружвету (взятка).

Для дел важных, как, например, по воровству, по убийству, по уводу девушки или женщины, спорящие отправлялись в главные деревни, где дела, относящиеся к адату, решали старшины, а к шарияту – кадий. Если истец и ответчик оставались недовольны решением членов главных сельских управлений, они требовали разбора своей жалобы на общественном месте в присутствии кадия, старшин и других почетных лиц всего магала. Тогда все старшины магала, почетные лица по 2, по 3 или по 4 с каждой деревни (иногда целое общество) и кадии собирались в определенное место и подвергали разбору претензии спорящих; если же жалобщики оставались и здесь неудовлетворенными, один или оба, то тогда они ходили к уцмию, брали у него печать и отправлялись в Кишья, где и оканчивали свой спор по уцмиевским адатам, решению которых они не имели права прекословить, а в противном случае общество подвергало их строгому наказанию. Если спорное дело касалось двух деревень или двух магалов, его разбирали на границе спорных мест; а если дело касалось нескольких деревень или 3, 4 магалов, выборные для решений или рассуждений собирались на особые общественные места. На общественных местах и вообще в деревнях кроме кадиев, старшин и почетных лиц были еще и другие члены сельского управления – мангуши³⁰, или чо-уши, и тулгаки, или чильми³¹. На каждый магал было по одному мангушу; они постоянно жили в главных деревнях магала. Так, например, урчамульский мангуш – в Варсите, каракайтагский – в Джибагнях, магала Гапш – в Уркарахе, гамринский – в Утемише³², шурканский – в Лища. Башлы и Кубачи имели у себя особых мангушев, обязанность мангушев была созывать народ на общественные места, взыскивать штрафы и исполнять приказания старшин; в случае надобности они объезжали по деревням магала и объявляли народу, чтобы он собрался в такой-то день и на такое-то место.

Чильми, или тулгаки, были в каждой деревне, число их было не везде одинаково. Так, например, в Башлах—90, из них 60 человек находилось в деревне бессменно, а 30 назначалось поочередно с каждого магала деревни. В Утемише – 40, в Кубачах – 24, в Уркарахе – 60³³.

Права и обязанности тулгаков: наблюдать за порядком на общественных местах; выгонять народ на полевые работы; взыскивать штраф (по приказанию старшины) с того, кто оканчивается по суду виновным; выгонять из дому канлыя, если родственники его скрывают; с того, кто слушивался и не исполнял приказания старшин, тулгаки брали в штраф быка или его стоимость. Или если старшины отдают обществу приказания не копать марены, не косить сена

²⁹ У них был только один дарга (сборщик доходов).

³⁰ Глашатай, десятский, мангуш (по-кайтагски чоуш) – на языках, которыми говорят в Утемише и Терекеме.

³¹ Надсмотрщики, помощники старшин, чильми (по-кайтагски тулгак) – на языках, [распространенных] в Башлах и Утемише.

³² Было пять: один старший и четыре младших.

³³ Во всем Кайтаге до Адиль-уцмия было 300 тулгаков, а после его смерти– 150.

или не собирать фруктов раньше определенного дня, а кто-нибудь из жителей ослушивался их приказаний и приступал к работам прежде назначенного времени, то тулгаки немедленно штрафовали ослушников. Или если кто-нибудь пускал свой скот на чужую пастьбу или в сады, обязанность тулгаков – захватить скот и держать его у себя до тех пор, пока хозяин скота не уплатит штраф за поправу. Или если должник долгое время не удовлетворяет своего кредитора, тулгаки взыскивали с него насильно долг и удовлетворяли займодавца. Плата, дававшаяся за общественную службу членам сельского управления, весьма различна. Так, например, в Уркарах кадию давали 2 са (гарнец) пшеницы с дыма, за омовение покойника—1, 2 и 3 руб., за чтение Корана на могиле покойника – 2 или 3 руб., при разделе оставшегося имущества между родственниками умершего кадий получает с 10 руб. – 25 коп. (это везде); при разделе общественного леса или сенокосного места кадию дается большая часть. При совершении кебина кадий получает 20 коп. В Башлах кадий получает 3 кили³⁴ пшеницы с дыма; кроме того, по окончании года ему общество делает угощение, а если не бывает угощения, то прибавляют еще 1 килю пшеницы; за совершение кебина—20 коп., а кто состоятельный – делает угощение. Если кадию приходится идти для совершения кебина в другую деревню, тогда ему дают больше 20 коп., за омовение покойника кадию платят 2 или 3 руб., а мулле – 1 руб. или одеждой. Если кадий на могиле покойника читает У дней (это зависит от желания родственников умершего), платят 5 руб., а если 3 дня—2 руб. За написание бумаги о продаже имущества и об отдаче на откуп кутана, пастбищного места и т. п. кадий получает 1 или 2 руб., Утемишский кадий прежде получал 150 саб пшеницы (ныне 100); в деревне Кичи-Гамри (по адату), кроме того, утемишцы ему дают для засева землю пространством на 10 саб по дороге в Далагара, и еще он пользуется на 4 сабы землю, которая завещана одним утемишцем в пользу кадия. Вода кадию для поливки пахотных мест дается два раза в год вдвойне и без очереди. За написание кадием доверительного акта, присяжного листа, контракта или бумаги на право торговли в деревне и других деловых бумаг кадий получает 4 руб., старшина – 3 руб., старший мангуш – 1 руб., младшие – по 50 коп.; кроме всего этого кадию давалось в год от 8 до 10 руб. деньгами или баранами. В Кубачах кадий, кроме 30 руб. деньгами, ничего не получает. Старшина³⁵ (кроме Башлов и Утемиша) нигде и никакой общественной платы не получал. В Башдах и Утемише каждый магал деревни отводил для своего старшины несколько саб пахотной земли с поливом ее два³⁶ раза в год вдвойне и без очереди; при отдаче на откуп кутана или пастбищного места старшины со 100 или 1000 руб. получают 10 руб. При собрании денег на наем нукеров, если собирают денег более назначенной суммы (более 25 руб.), то остальные деньги поступают в пользу старшин. Тулгаки и мангуши пользовались везде и всегда штрафами. Две части штрафа получали тулгаки, а третью – мангуши. В некоторых же деревнях кроме штрафа пользовались и другой платою, как, например, башлинцы своему мангушу давали лошадь, утемишцы старшему мангушу – быка или его стоимость, а младшим мангушам – по 40 саб пшеницы (ныне 20). Старший мангуш пользовался вдвойне без очереди водой для поливки своих пахотных мест. Уркарахцы своим тулгакам давали еженедельно с каждого дыма по одной саб пшеницы, за то тулгаки по окончании года обязаны были делать угощение всему обществу или по крайней мере всем почетным лицам.

Важнейшие из селений, как центральные пункты, около которых собирался народ и имевшие значение и преимущество пред другими деревнями относительно сельского управления, были следующие: в Урчамуле – Варсит, Шурканте, Миша, в Гамринском – Утемиш, в Терекеме – Башлы, в Каракайтаге – Джибагни, в Гапше – Уркарах и в магале Ганк– Кубачи и Кишья;

³⁴ Гарнец.

³⁵ Все члены сельского управления, как-то: кадии, худели, мангуши и тулгаки – не отбывают никаких сельских повинностей.

³⁶ Для поливки проса – три раза в год.

последняя деревня имела особенно большое значение (в Кайтаге), потому что в ней хранились уцмиевские адаты. В названные деревни спорящие других деревень магала очень часто приходили для разбора своих претензий, если они оставались недовольны решением местного сельского управления; кроме названных деревень кайтагцы имели у себя (каждый ма-гал отдельно) особенные места, куда они собирались для рассуждений или решений по общественным делам. Так, например, каракайтасы собирались на возвышенном месте вблизи деревни Кулаги, называемом «Гули-Гули-Гадда»; урчамульцы – на ровном и большом месте между селениями Варсит и Киркия, называемом «Декаллашара»; шурканцы – на возвышенном месте вблизи деревни Лица «Мукрукат»; уркарахцы – на возвышенном месте «Аф-Ка»³⁷

³⁷ Возвышенное место вблизи сел. Уркарах; оно прилегает к левой стороне дороги, идущей из Уркараха в Маджалис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.